

УДК 323+342/71

Ирина Борисовна Фан

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник отдела философии
Учреждения Российской академии наук
Института философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург
(343) 362-81-37 Irina-fan@yandex.ru

ЧАСТНОЕ И ПУБЛИЧНОЕ В ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНИНА¹

Автор исследует соотношение частного и публичного в бытии современного российского гражданина. В статье рассматриваются эволюция частной и публичной жизни в России (семьи, ролей мужчины и женщины, сущности российской власти), а также особенности взаимодействия частной и публичной сфер в современной России.

Частная жизнь, публичная сфера, частное лицо, публичная роль гражданина.

Рациональная и эмоциональная самооценка личности, ее чувство собственного достоинства зависит от общественного и государственного стимулирования стремления людей участвовать в формировании порядка частной и публичной жизни. По сути это социальная субъектность или стремление к власти, связанное как с властью над собой (самодисциплина), так и над обстоятельствами. Автономность, свобода, рациональность, или рефлексивность и креативность в отношении внешнего мира и самого себя – характеристики не только субъекта права (гражданского и конституционного) [15, с. 23], но и субъекта религии, морали, экономики и политики, сформулированные в Новое время. Насколько состоятелен в настоящее время средний россиянин в качестве частного лица и публичного человека, гражданина? Обладает ли он автономным пространством частной жизни, защищенным от незаконного вмешательства извне? Какова его фактическая политическая роль? Анализ комплекса проблем, касающихся соотношения частного и публичного в жизни российского гражданина, посвящена эта статья.

---

¹ Работа выполнена в рамках реализации программы Президиума РАН «Экономика и социология знания» по проекту «Гуманитарное знание XXI века: интеллектуальные и институциональные вызовы».

Одним из социальных институтов, относящихся к частной жизни индивида, является семья. Исторически обособление частной жизни в европейских странах в XVIII–XIX вв. происходило в первую очередь в буржуазной среде, путем развития частной собственности, правовых и иных механизмов защиты приватной жизни буржуа. Важную роль в этом процессе сыграла дифференциация мужской и женской ролей в семье и обществе. Женщине досталась роль охранительницы частной жизни членов семьи, а мужчине – роль гражданина, субъекта гражданских и политических прав. Суверенизация индивида-мужчины происходила параллельно суверенизации семьи. «Свобода, равенство, братство мужчин возростали на семейном деспотизме. Похоже, что развенчание, детронизация и десакрализация власти Монарха сопровождалась увенчанием и сакрализацией главы каждого отдельного семейства, превращавшегося в монарха, деспота, тирана в своем доме» [1, с. 141]. «Мультипликация авторитаризма» выступает в истории Европы одним из элементов модернизации и демократизации. Процесс разграничения публичной и частной жизни шел для мужчины-буржуа, с одной стороны, путём естественного развития им роли домохозяина, главы семьи, господина над домочадцами, с другой – путем выработки и присвоения публичной роли гражданина. Взаимное обособление и ограничение частного и публичного и суверенизация личности касались поначалу лишь мужчин, и осуществлялись за счет подчинения ему женщины. Политическая субъектность, доступ к публичности обеспечивался господством в частной жизни. Эволюция частной жизни в XIX–XX вв. включала переход от патриархатной авторитарной семьи к эгалитарной партнерской семье. Женщина лишь к середине XX в. обрела равный с мужчиной социальный статус и роль – и в семье, и в публичной жизни.

В соответствии с либеральной теорией, частное является границей и основой публичного и государственного, а публичное – гарантией соблюдения частных интересов и прав. Система политического представительства была основана на убеждении в том, что отцы семейств должны заниматься реализацией собственных интересов, а часть своих публичных полномочий делегировать представителям для обеспечения общественных потребностей. Семья выступает в качестве модели демократии. Она является каналом социализации и вовлечения индивида в публичную жизнь, носителем отношений формального подчинения и отношений самоуправления – родственного, сословного, корпоративного, территориального, экономического. Семья задает образцы публичных ролей для младшего поколения.

Нынешнее состояние соотношения частного и публичного в жизни россиянина во многом обусловлено специфической эволюцией частного и публичного в российской и советской истории. Эво-

люция семьи в России шла иным по сравнению с европейским путем. В российской истории отсутствует этап установления взаимной связи между частной и публичной ролями гражданина, между развитием буржуазной семьи и завоеванием политических прав отцами буржуазных семейств. В России долго сохранялась патриархальная семья и подчинение индивида общине («миру») и царю как патриарху общества, следствием чего была неразделенность общественной и частной жизни. Давление патриархальной семьи (с авторитетом обоих родителей) на мужчину препятствовало формированию автономной личности. В большевистской России идеологическая задача ликвидации частной жизни (частной собственности, семьи, быта, индивидуализма) определяла социально-политический статус и публичную роль индивида. Последствия работы по воспитанию сознательного советского гражданина как непосредственно (по сути принудительно) включенного в публичную жизнь коллектива и государства без защитного слоя относительно закрытой семейной и частной жизни до сих пор мешают становлению автономной личности. Подчинение трудовому коллективу и «вождю всех народов» определяло специфику соотношения частного и публичного, ролей индивида в семье, обществе и государстве.

Задачи ликвидации «всего частного» советская Россия не выполнила, но успела закрепить особую роль женщины-труженицы, призванной «на работе и дома» отдавать себя государству. Советская семья никогда не была патриархальной. Развитию эгалитарной, партнерской семьи мешало два обстоятельства. В употребляемом в советском законодательстве понятии «женщина-мать» фиксировалось, что публичной функцией женщины является «рождение и воспитание настоящих граждан советской страны». Так были смешаны частное и публичное в жизни женщины. Несмотря на декларации о равноправии к исполнению публично-политических обязанностей по разрядам допускалось ограниченное число «проверенных» женщин. Мужчина в официальном законодательстве не был признан в качестве полноценного члена семьи, несущего ответственность за детей и имеющего на них равные с женщиной права. Советское семейное законодательство было дискриминационным по отношению к мужчинам, женщинам и детям. Любой ребенок рассматривался в качестве «собственности» (потенциальной рабочей силы, носителя воинской повинности) государства, а не семьи или отца. В этом – основа низкой оценки советским государством отдельной личности, ее жизни и труда. Население и сейчас испытывает «глубокое хроническое чувство социальной униженности», связанной с недооценкой труда, с объективной невозможностью для части населения выйти из состояния бедности [4, с. 20]. Эта традиционная подозрительность российского государства к отдельному человеку, отношение к нему не как субъекту права – не преодоленный до сих пор систем-

ный порок политической системы, который порождает между государством и обществом отношения недоверия и нересипроктности.

Снижение роли мужчины в семье и обществе было одним из элементов *идеологической задачи* подчинения государству каждого советского гражданина. Присущую мужчинам активность можно было реализовать либо посредством официальной карьеры в партийно-государственных структурах (ценой подавления личности в себе и других людях), либо в теневых экономических и социальных практиках. В этом заключалась существенная особенность структуры политической системы в СССР. Советское государство трансформировало систему патриархального господства: семья и частная жизнь людей были полностью открыты для вмешательства партийных и государственных органов. Границы между частной и общественной жизнью оказались размытыми. Партийными функционерами была сформирована система тотального господства партии-государства над личностью независимо от пола, возраста и других составляющих. При этом технологии такого подчинения учитывали специфику тех или иных различий. Женщину эта система эксплуатировала с двукратной силой – и как работницу, и как мать. Однако символически «женщина-мать» возвеличивалась, советская мифология почти отождествляла ее с «Родиной-Матерью». Общим «отцом» (и «всех народов», и каждого человека в отдельности) в системе этих символов был Сталин, сконцентрировавший всю силу частной и публичной власти и узурпировавший активное мужское, отеческое начало. Все другие мужчины были превращены в солдат и труженников – «детей» (домочадцев), подчиненных всецельной воле «отца».

Социокультурный смысл лишения российского мужчины функций отца и хозяина до конца не оценен. Активность мужчины была ограничена во всех сферах жизни. Система оценки труда в советской экономике лишила мужчину экономической состоятельности. Одновременно был подорван и его авторитет в семье. Так была разрушена основа гражданской суверенности мужчины и его политической автономии и публичной роли субъекта государства. Истребив самостоятельных мужчин (крепких крестьян, купцов, буржуа как идеологических противников) в ходе гражданской войны, коллективизации, репрессий, высылки, в остальных мужчинах партия-государство подавило всякую волю к несанкционированной инициативе. Не в этом ли исходные причины многих нынешних «социальных болезней» среди мужчин? «Частное» в советское время было редуцировано к государственно-общественному. Последнее сложно считать публичным. Через контроль коллектива над каждым работником государство установило почти тотальный контроль над личностью. Интересы государства ставились выше ее интересов. Система политической социализации массово и безальтернативно внедряла в сознание людей требования к роли гражданина: быть готовым к под-

вигам, борьбе с внешним и внутренним врагом, к беззаветной преданности и жертвенности во имя общих Родины-Матери и Отца. Это было связано еще и с установлением равенства полов. В глазах женщины государство низвело роль и достоинство мужчины, заменив экономическую зависимость от него женщины ее тотальной зависимостью от государства (посредством учреждения минимальных социальных гарантий и льгот). Истоки нынешнего патернализма россиян коренятся в факте этой зависимости женщины от государства.

Для советского закона не существовало семьи как особой сферы частной жизни человека, как не существовало и частной собственности. В постсоветском законодательстве произошли коренные изменения: в Конституции РФ (1993 г.) провозглашен принцип равенства между мужчиной и женщиной, установлены обязанности государства по защите и материнства, и отцовства. Но реализация норм, направленных на поддержание и развитие эгалитарной, партнерской семьи, оставляет желать лучшего. Формы семейных отношений и ролей неустойчивы. Ответственности за себя у многих россиян так и не сформировано, есть скорее ответственность перед кем-то иным. Для молодых россиян ценность свободы связана чаще с ее реализацией в частной жизни, а не в общественной, публичной. Это объясняется социально-психологическим механизмом компенсации за предыдущие десятилетия угнетения сферы частной жизни, с отсутствием государственного стимулирования участия граждан в функционировании публичной сферы.

В отличие от утверждений некоторых исследователей о происходящем в настоящее время обособлении частной и публичной сфер жизни, о разделении государственной (общественной) и частной жизни [1, с. 140], мы исходим из предположения об их неоднозначном соотношении. Наблюдаются тенденции «приватизации» и «разгосударствления» человека. В массовом сознании современных россиян Т.В. Павлова, например, отмечает тенденцию выдвигания на первый план ценностей частной жизни и формулирует проблему формирования автономной личности в процессе обособления частной жизни от жизни общества и государства [10, с. 278-279]. Позитивным считается сохраняющееся доверие людей к семье. Но это единственный социальный институт, которому доверяет большинство россиян. Однако каков реальный потенциал доверия к семье? Даже официальная статистика свидетельствует о кризисе семьи: неимоверном количестве разводов, широком распространении гражданских браков, брошенных детей, непопулярности семейного труда по воспитанию детей. Действительно ли в России идет процесс «суверенизации» семьи и личности внутри нее? Благоприятствует ли развитию экономической инициативы, частной собственности, в целом автономии личности система экономических, правовых и политических институтов?

Вопрос об индивидуальной автономии связан с проблемой автономии гражданина и в политической, и в частной жизни. Для большинства микросреда как среда преимущественно частной жизни не становится ресурсом для упорядоченности повседневности. Частью населения семья не воспринимается как сфера частной жизни [14, с. 338]. Это объясняется тем, что семья не обособлена от родственно-дружеского круга, но противопоставлена публичной жизни. Человек укрывается в семье, восполняя дефицит безопасности, царящий в обществе и государстве. В России семья не является пространством частной жизни личности в западном понимании, она выполняет функцию защиты собственной безопасности. Но создает ли она условия для самостоятельности личности? Российская семья пока не стала партнерской и демократичной, не стала сферой договора, взаимности прав и обязанностей. Индивид владеет семейными и квазисемейными правилами игры, но не владеет универсальными, правовыми. Среднестатистический россиянин не самостоятелен ни в частной жизни (в силу долговременной вынужденной зависимости от семьи), ни в публично-политической. Далеко не всякая семья обеспечивает условия для реализации личности, экономически зависимым членам семьи отказывается в праве быть личностью. Наша семья держится на аффективных, эмоциональных – неустойчивых отношениях. Важно понять, где обрывается взаимодействие между микро- и макроуровнем жизни россиянина? Почему нет перехода от частной жизни к публичной? В чем причины возникающих проблем «при переходе от семейных к формальным, институциональным отношениям?» [3, с. 33].

На наш взгляд, в России четкого разграничения частного и публичного никогда не было, как не было и ясного понимания каждого понятия. На протяжении всей российской истории граница между ними не была обозначена ни со стороны верховной власти, ни со стороны общества. Претензия российского государства на контроль над всей совокупностью общественных отношений приводила к тому, что «публичные отношения никогда жестко не отделялись от частных» [8, с. 66]. Историческая семантика концепта «государство» как личного хозяйства государя, пространства его произвола, личного владения или распоряжения собственностью на территории, подвластной ему, когда законы частного распоряжения распространяются на публичные дела и частную жизнь подданных, вносит определенную ясность в данный порядок власти. Российская система власти является фундаментальным фактором, определяющим смешанный, не правовой, произвольный характер соотношения частного и публичного.

В России была сформирована попечительная власть, покровительствующая подданным в обмен на их преданность, не ограниченная никакими моральными и правовыми нормами и никакими

обязанностями перед подданными. Односторонней зависимости российского населения от верховной власти соответствовала и неустойчивая сеть сословных, корпоративных и других связей. Прямая зависимость каждого от самодержца мешала формированию универсальных горизонтальных связей и развитию автономии индивида. Возможность социальной самоорганизации в российской истории чаще всего ограничивалась и перенаправлялась с интересов той или иной общности на обслуживание интересов господствующих классов. Приоритет привилегий власти над ее обязанностями, установившийся при самодержавии, оказался исторически устойчивым и сохраняется до сих пор. Это воспроизводит установку на примирение с зависимостью каждого от произвола власти, привычку к страху перед властным принуждением и стереотипы избегания прямого публичного контакта с властью (сопротивления, неподчинения) и обхода ее при соблюдении внешней покорности. Отчуждение населения от власти и политики как специфическая черта российской политической системы и культуры россиян препятствует развитию потребности в публичном представительстве собственных интересов, становлению гражданской политической культуры и институтов политического участия граждан. Возможность ежечасного вторжения государя и государевых слуг в повседневную жизнь подданных, характерная для дореволюционной России, была унаследована и советским режимом. За исключением личных вещей или личного подсобного хозяйства, у советского человека невозможно найти какого-либо автономного пространства приватности.

Состояние российской публичной сферы также требует конкретного анализа. Публичная сфера в рамках теорий демократии – это сфера общественного сознания и политической коммуникации, которой свойственны свобода выражения мнений (идеологический плюрализм), политическая конкуренция, «инфраструктура производства и обращения идей», свобода слова и печати. Условием существования публичной сферы в западных странах является взаимное ограничение частного и публичного, непосредственно-личных коммуникаций опосредованными – институциональными и ментальными формами обмена общественным мнением (парламентом, СМК, политическими партиями и общественными объединениями, публичными судами). Включаясь в обсуждение политических проблем, граждане обретают компетентность и субъектность, что способствует усилению их влияния на принятие политических решений и установление контроля над государством. М. Риттер дополняет классическое определение Ю. Хабермаса: публичная сфера – это «символическое место связей между аспектами социальной интеграции субъектов в обществе как частных лиц.., с одной стороны, и противостоящим развитием и организацией политических институтов как субъектов внешнего мира – с другой стороны» [12, с. 13].

Публичную сферу О.Ю. Малинова определяет как «особое виртуальное пространство, где в более или менее открытом режиме обсуждаются социально значимые проблемы, формируется общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные идентичности» [9, с. 8]. Это пространство взаимодействия общества и политической системы, самоорганизации и организации, обратной и прямой связи с государственными структурами, спонтанной и санкционированной активности населения, прав и обязанностей гражданина.

Гарантией нормального функционирования публичной сферы является действующая правовая система, нацеленная на реализацию основных прав граждан – свободы печати и выражения мнений, свободы собраний, митингов, демонстраций и т.д. Демократический политический режим вовлекает индивида в собственное функционирование посредством политической роли гражданина, включающей права и обязанности и предъявляющей к нему определенные требования: обладать способностью к рациональному выбору, участию в дискуссиях и солидарных действиях, идентификации себя с той или иной политической партией или движением, знать меру между социальным доверием и критическим отношением к политическим программам и лидерам; брать на себя выполнение публичных обязанностей; быть толерантным по отношению к чужому мнению; обладать гражданской компетентностью, стремлением и навыками согласования интересов социальных групп. Главное условие существования публичной сферы – наличие конкурирующих акторов, субъектов, способных создавать и поддерживать институты, площадки, идеи и средства производства и обращения идей и коммуникаций.

Для индивида огромное значение имеет соотношение между публичной ролью гражданина и ролью частного лица, которое определяется культурно-историческим контекстом. Мир частной жизни выступает в качестве базового для мира публичной – политической жизни, субъектность частного лица питает субъектность лица публичного. Условием нормального функционирования публичной сферы и взаимного ограничения частного и публичного в жизни гражданина является развитость институтов самоорганизации, опосредующих связь граждан и органов государства, форм местного, территориального, общественного самоуправления, которые и создают первичный уровень публичности, где возможны формы прямой демократии и коммуникация «лицом к лицу». Без подпитки со стороны этого уровня опосредованные формы отношений, все более монополизированные элитой и политическими профессионалами, перестают поддаваться общественному контролю.

Каково же соотношение частного и публичного в жизни российского гражданина? Существуют ли институциональные и мен-

тальные условия для того, чтобы он мог относительно гармонично сочетать эти роли? В настоящее время несмотря на конституционное признание частной собственности действие Гражданского кодекса РФ, распространение индивидуализма, соотношение публичного и частного в бытии российского гражданина во многих отношениях аналогично советскому, но есть и отличия. Четкого разграничения сфер и функций того и другого на практике как не было, так и нет. Происходит вторжение публичного (государственного) в частное, и наоборот, частная жизнь политиков и публичных людей замещает публичное пространство «Общего блага».

Специфику функционирования публичной сферы в современной России определяют многие факторы. Так, В.Я. Гельман определяет противоречие между формальными и неформальными институтами как одно из основ функционирования нынешнего политического режима в России [5, с. 6]. Известна тесная взаимосвязь между развитой публичной сферой и реализацией принципа верховенства права в системе формальных – публично-правовых (конституционных) и гражданско-правовых демократических институтов, которая лежит в основе рационально-легального (по М. Веберу) типа господства. Устойчивость этой связи свидетельствует о демократичности общества и государства, наличии конституционализма, реального разделения и независимости властей, общественного контроля над деятельностью органов государства и должностных лиц, о действительности обратной связи в системе коммуникации между населением и властью, вовлеченности граждан в процесс управления.

Правящий класс предпринял серию ограничений публичного политического пространства: ликвидирована независимость телекомпаний; серьезно ограничена политическая конкуренция и права граждан, общественно-политических объединений и политических партий; свернуты реформы судебной системы, ликвидирована ее независимость от исполнительной власти, широко применяется практика селективного и закрытого правосудия ради исключения потенциальных участников из политического процесса; правоохранительные органы и суды используются для ограничения прав граждан на свободу слова, информации, собраний и митингов. Закон утратил универсальное формально-юридическое содержание, правоохранительные органы стали инструментом защиты произвола политического класса от большинства населения. По мнению Н. Петрова, произошла субституциализация политической системы – замена институтов демократического правового государства субститутами: Государственной Думы – отраслевыми консультативными советами при президенте и Общественной палатой, Совета Федерации – Госсоветом и его президиумом, политических партий – политическими машинами госкорпораций и «Единой Россией», незави-

симых СМИ – общественными приемными, закрытыми соцопросами [11, с. 16].

Российской элитой, начиная с середины 1990-х гг., была осуществлена приватизация публичных ресурсов в целях защиты ее корпоративного интереса в сохранении власти и уходе от контроля общества. В существовании двойной системы управления государством (официальной и теневой) заключается качественное своеобразие российской модели власти [6, с. 27]. При наличии двух систем управления (формально-рациональной для публичной презентации или имитации демократии и неформальной для внутреннего использования) власть функционирует по законам закрытого неформального взаимодействия, противоположного публичности демократического государства. В сетях неформального взаимодействия действуют не контрактные отношения и взаимная ответственность за выполнение обязательств, а доверительные отношения, складывающиеся на основе формирования неформальных групп, сетей, связей по критерию включения «свой-чужой». Такие связи становятся устойчивыми неформальными социальными институтами, вовлекающими в «тень» все большую часть общества, уводящую его от публичности, права, справедливости, морали.

Переход формального поведения в неформальное происходит путем установления личных контактов с лицом, исполняющим публичную роль должностного лица того или иного органа власти ради частных интересов и в обход официальных правил и процедур. Участников такого поведения это выводит за рамки правовых норм и их собственных публичных ролей. Человек, облеченный публичной должностью, исполняет должностные обязанности лишь произвольно, в интересах собственных или группы, к которой он примыкает. Реальных механизмов привлечения публичных политиков и чиновников к юридической ответственности не существует. Следовательно, сама публичная роль и связанные с ней функциональные обязанности не выполняются. Формальная правовая основа должностных обязанностей при этом размывается, остается поддержание видимости исполнения роли. Однако и публичная роль гражданина в такого рода отношениях не исполняется. «Теневого» гражданина невозможно считать гражданином, поскольку гражданин по определению – публичная роль правоспособной личности, связанная с ее конституционным публично-правовым статусом, правами и обязанностями. Реальность показывает массовое уклонение людей от тех или иных обязанностей гражданина. Неправовой характер повседневной жизни, обусловленный неопределенностью правил поведения и произволом властей, – существенная черта нынешнего политического режима в России. Ненадлежащее исполнение публичных ролей ведет к «деградации публичных институтов» [7, с. 123]. Если депутат Госдумы РФ неудовлетворительно исполняет свою публич-

ную роль законодателя, то эту роль он уступает исполнительной власти. Это вызывает разрушение института разделения властей – конституционного условия существования публичной сферы общества. Роль чиновника в структурах исполнительной власти, наоборот, зачастую связана с концентрацией, чрезмерной централизацией и монополизацией функций разных ветвей власти, с одной стороны, и их перенаправлением с общественного блага на партикулярное – с другой. Исполнение публичной роли должностного лица любого государственного института (правительства, суда) по неформальным правилам приводит к трансформации данного института, его деятельность не подчиняется, а то и противоречит закону.

С одной стороны, неформальные связи ослабляют одностороннюю зависимость граждан от власти и устанавливают отношения взаимной зависимости людей, с другой – эта взаимозависимость строится на неправовых, криминальных основаниях. Такое общество саморазрушительно. Взаимного ограничения частной и публичной жизни в бытии россиянина не произошло ни в институциональном плане, ни в общественном сознании. Государство не обеспечивает защиту гражданских прав индивида, неприкосновенности личности, жизни, свободы, собственности, жилища и т.д. Зачастую те или иные органы государства привычно вторгаются на «территорию» частной жизни россиянина. Причина этого – сохраняющаяся односторонняя зависимость российского гражданина от авторитарной государственной власти, отчуждение его от политической жизни, исключение из политического процесса при имитации некоторых демократических процедур. «Незащищенность гражданских прав не только стимулирует воспроизводство неформальных, личных отношений в частной жизни, но и содействует их экспансии в публичную сферу» [13, с. 106]. Отсюда «дефицит реципрокности в исполнении публичных ролей» (А. Хлопин), или «лукавое исполнение взаимных обязательств» и гражданами, и государством (Ю. Левада).

Проникновение неформальных личных связей в публичную жизнь препятствует универсализации правовых отношений и моделей поведения, основанных на взаимном соблюдении обязанностей и прав, приводит к недопущению населения к реальной самодеятельности, самоорганизации, политическому участию. Процесс обособления частной жизни от публичной идет в искаженных формах. Частное гипертрофировано, но это не частное в западном смысле. По нашему мнению, под «частным» фактически скрываются интересы конкретной группы – «части» общества. Индивид не обладает подлинной автономией, он включен в неформальные группы и связи. «Частное» некоторых из неформальных групп и определяет публичную сферу, подминая ее под себя. В этом смысле в России нет ни частного как индивидуального, ни публичного как политического, пони-

маемого в республиканском смысле. Исследователи фиксируют имитационный характер и неэффективность институтов российской публичной политики [2, с. 26-28].

«Публичная» сфера в России является пространством неправовой борьбы разных политических субъектов, теневых столкновений различных групп в пределах субъекта-монополиста власти, под давлением которого она не может развиваться. Большинство населения к публичной политике не имеет никакого отношения, кроме ритуального исполнения роли «послушного электората». Отчуждение населения от непрозрачного пространства правления противоречиво сочетается с его зависимостью от произвола лиц, распоряжающихся государственной властью. Противоречивое сочетание зависимости и отчуждения «граждан» от власти, подчинение их государству – причина, обуславливающая отсутствие реального функционирования института гражданства (как двусторонней правовой связи между гражданином и государством на основе взаимного исполнения прав и обязанностей) и конституционного (публичного) статуса гражданина. Это ядро нынешней политической системы, включая и ее институциональные характеристики и черты политической культуры, истоки которого коренятся и в советской, и в русской системе власти, является основой комплекса качеств постсоветского человека [3, с. 15-16].

Сохраняющаяся локализация и фрагментация российского общества, отсутствие автономии индивида и давление на него формально-неформальной группы и господствующих в ней неформальной морали и неправовых норм – факторы, препятствующие обособлению частной жизни от публичной. Дефицит взаимности в исполнении публичных ролей компенсируется установлением неформальных отношений между частными и официальными лицами. Такие отношения между официальными лицами, действующими как представители тех или иных неформальных групп, «свои» по отношению к властным структурам и распоряжению административным и иным ресурсам определяют закрытый характер нынешней политической системы. У рядового населения пространство частной жизни составляет смешение родственных, дружеских, соседских и других первичных связей с личными неформальными контактами. У этого пространства нет выхода на уровень публичности, оно ограничено от публичной сферы, но от вторжения органов государства и лиц из сферы номинальной публичной власти это пространство не защищено. Отсутствие институционального воплощения принципов верховенства закона, равенства граждан перед законом в организации российского государства – причина не правовой связи между публичным и частным.

Соотношение публичного и частного в жизни российского гражданина определяется не только институциональными факторами, но и политической культурой россиян: отсутствием социального

доверия между людьми, взаимного признания прав и интересов, социально-политическая пассивностью, отсутствием готовности действовать публично даже на уровне соседских отношений, безынициативностью, неготовностью востребовать собственные конституционные гражданские и политические права. Публичность утратила свой политический смысл, в настоящее время его заменило стремление быть замеченным телевидением. В политической культуре россиян оказалось неразвитым или подавленным чувство ответственности. Это обратная сторона отсутствия автономии личности, пассивности и стремления к уходу от проблем, от тотального контроля со стороны государства, а также следствие участия некоторых групп населения в неформальных связях и теневой, полукриминальной, а то и криминальной деятельности. У большинства населения не развиты навыки поведения по нормам общей, формальной, правовой взаимности, оно ориентируется на модели специфической групповой взаимности, ограниченной по масштабам и уровню публичности.

Причину политической пассивности населения А.Д. Хлопин видит в экспансии в публичную жизнь «неформальных связей патерналистского или квазипатерналистского типа» [13, с. 117]. В результате в людях подавляется потребность в публично-правовых отношениях с властью, но поощряется и становится повседневной привычка к решению житейских проблем неформальным способом. Устойчивость неформальных стереотипов и практик препятствует развитию автономии индивида, его стремления к самостоятельности. Если правовая система не обеспечивает неприкосновенности личности и реализации ее гражданских прав, а политическая система – реализации политических прав, то есть обе эти системы не вовлекают индивида в двусторонние договорные правовые политические отношения между властью и населением, а служат исключительно интересам правящей группы, то развитие публичной роли гражданина не происходит. Вся сила государства направлена на недопущение развития правовых механизмов ответственности власти перед индивидом и обществом, на культивирование несамостоятельного индивида, ответственного перед чиновниками, но не перед собой и обществом.

Г.Л. Кертман ставит важный вопрос, сопровождается ли деполитизация массового сознания формированием потребности в разграничении публичной и частной сфер жизни, и отвечает на него положительно [7, с. 122]. На наш взгляд, это потребность не в разграничении этих сфер жизни, а в самосохранении, страх прямого столкновения с властью, чреватого применением насилия. Это стремление уйти от рисков и сложности автономного существования в институциональном и социокультурном контексте российского общества. Процесс взаимного определения частной и публичной

жизни россиянина нельзя рассматривать по прямой аналогии с процессом их взаимного ограничения в странах Западной Европы в XIX–XX вв. Этот процесс в России для некоторых является механизмом социально-психологической компенсации за те разочарования в политической активности и выход в публичное пространство столкновения с российской властью, которые население переживало в 1990-е гг. Для другой части населения это процесс привычного эскапизма, рожденного страхом многих поколений перед репрессирующей властью и партийно-комсомольскими практиками публичных «порок» и покаяний. Общественное мнение советского времени прочно связало публичность либо с массовыми ритуальными шествиями и изъятиями всенародной любви к партии и правительству, либо с личным позором. В этих обстоятельствах невыход людей в публичное пространство и уход в «частное» – это не формирование пространства автономии и приватной жизни, а следствие хронической усталости «от всего», это уход в «берлогу» (С.В. Патрушев) как последнюю надежду на выживание.

Привычное для масс, традиционное сохранение политической субъектности наверху и отсутствие объективных возможностей и субъективных притязаний на субъектность снизу препятствуют становлению российского гражданина как самостоятельного политического актора и одновременно освобождают его от ответственности и за «общее благо», и за собственную жизнь. Деграция публичных институтов есть следствие деполитизации населения, распространения такого типа человека как политический маргинал, аутсайдер, у которого отсутствует социальная ответственность и желание что-либо делать во имя «общего блага». В этих условиях инфантильность (или патернализм) становится более эффективным средством адаптации, чем политическая активность. Недоверие россиян к политическим институтам сопровождается отсутствием стремления к самоорганизации, формирования тяги к публичности на уровне местного самоуправления и автономизации частной жизни.

Равно актуальными, но не решаемыми проблемами в современной России являются как политическая институционализация (реальная модернизация и демократизация политических практик, превращение их в политические институты, действующие на правовой основе, подчинение государства принципам конституционализма, федерализма, верховенства права, двусторонней правовой связи гражданина и государства) так и формирование массового индивидуального субъекта политики – гражданина. Перспективы развития соотношения публичного и частного в соответствии с либерально-демократической моделью гражданина и государства связаны с возникновением и укреплением веры критической массы людей в их собственную способность влиять на принятие политических решений, участвовать в функционировании публичной сферы. Нужна

борьба со стереотипами нелегальности, криминальности, незаконно-послушности, за общественный контроль над властью, открытость политического процесса, за гражданские и политические права. Общее средство преодоления проблем российского общества – реформа правовой системы, обеспечение правового равенства граждан перед законом, в том числе должностных лиц любого уровня власти. Выход из тени в публичную сферу, борьба за публичную роль гражданина – абсолютно необходимый для России путь. Именно на начальном уровне публичности – территориального и местного самоуправления – современной России не хватает усвоения норм общей взаимности. Здесь основная проблема пробуксовки развития гражданского общества, и здесь необходимо искать способы преодоления разобщенности людей, развития разных форм сотрудничества и партнерства. Многое зависит от способности лидеров общественного мнения разбудить веру людей в возможность эффективного решения проблем путем солидарных действий, убедить в необходимости уважать иное мнение, договариваться и согласовывать решения и действия, в перспективности их собственной активности для улучшения их жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Айвазова С.Г. Семья как пространство частной жизни: новые функции и задачи // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. С. 140-158.
2. Беляева Н.Ю. Публичная политика в России: сопротивление среды // Политические исследования, 2007. № 1. С.22-31.
3. Гудков Л. Условия воспроизводства «советского человека» // Вестник общественного мнения, 2009. № 2(100). С. 8-37.
4. Гудков Л. Российская повседневность. Доклад на X научно-практической конференции Гуманитарного университета «Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках». 5-6 апреля 2007 г. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2007. 48 с.
5. Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Политические исследования, 2003. № 4. С. 6-25.
6. Даугавет А.Б. Неформальные практики российской элиты. Апробация когнитивного подхода // Политические исследования, 2003. № 4. С. 26-38.
7. Кертман Г.Л. Государственный патернализм как мера власти и политики // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. С. 122-140.
8. Кострюкова О.Н., Осипов Г.Р., Саренков А.А. Семантический анализ концепта «подчинение» в поле оппозиции «приватное – публичное» // Политические исследования, 2007. № 1. С. 62-70.
9. Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Политические исследования, 2007. № 1. С. 6-21.
10. Павлова Т.В. Изменения в политической культуре и модели демократии // Институциональная политология: Современный институционализм и политиче-

ская трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. С. 277-286.

11. *Петров Н.* Политическая механика российской власти: субституты против институтов // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии, 2009. Окт.-дек. № 4(102). С. 5-23.

12. *Риттер М.* Публичная сфера как идеал политической культуры // Граждане и власть: Проблемы и подходы / Под ред. Г.М. Михалевой. М., СПб., 2001. С. 12-27.

13. *Хлопин А.Д.* Российская власть и свобода // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. С. 104-122.

14. *Хлопин А.Д.* Микросреда – сверхценность или ресурс для самостоятельного упорядочения повседневности? // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. С. 335-339.

15. *Честнов И.Л.* Субъект права: от классической к постклассической парадигме // Правоведение, 2009. № 3. С. 22-30.

RESUME

Irina Borisovna Fan, Candidate of Philosophy, senior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, (343) 362-81-37 Irina-fan@yandex.ru

Private and Public in the Existence of Russian Citizen

The author examines the correlation of private and public aspects in the existence of modern Russian citizen. The article analyses the evolution of private and public life in Russia (family, men' and women' roles, the substance of power in Russia), as well as peculiarities of the interaction between private and public spheres in today's Russia.

Private life, public sphere, private person, public role of citizen.

Материал поступил в редколлегию 02.07.2010 г.